

Сергей АНДРИЯКА:

«После первого взрыва храма я успел сделать рисунки»

КП в Москве (инт. к Ком. правде). — 1994 — 22 янв.

Сергей Андрияка — один из признанных сегодня московских художников. Плодовит: в его личном выставочном фонде более семисот картин. Он воспекает красоту Москвы. Большинство его работ написаны акварелью. А впечатление, что это масляная живопись. Даже своих друзей-художников он вводит в заблуждение. И, глядя на его картины с расстояния в один метр, они не верят: «Неужели акварель?..»

— Все мы помним по урокам рисования, что акварель — это нечто легкое, прозрачное, полуграфика-полуживопись. А у вас на картинах свеча горит в полную силу, и цветы такие сочные, точно живые. Сергей, как вам это удается?

— Акварелью можно писать все: и очень светлые, и очень темные картины. А если наносить слои краски из разных комбинаций, получается и глубина, и фантастические цветовые переливы, которых маслом добиться невозможно. Даже синий по желтому и желтый по синему дает разный результат.

— Тогда почему акварель оказалась как бы в загоне? По одной из версий, виноваты женщины, которые в прошлом веке увлеченно занимались акварелью. Из-за них — то акварелью перестали интересоваться как серьезным искусством: что-то вроде кружка умелые руки...

— Почти все великие русские художники делали этюды к своим картинам, эскизы, путевые наброски акварелью. Я часами простаивал в музеях, когда там появлялись акварели Брюллова, Врубеля, Фортунни, Сурикова... Правда, у акварели было как бы подсобное назначение. Она шла вторым планом к большой масляной живописи. Была камерных размеров. В акварельных рисунках уже ничего не исправить. Надо рисовать набело. Прежде чем научиться писать большие картины, я начинал с малого.

— Вам, наверное, было легче других. Вы выросли в семье художников?

— Отец был преподавателем в Суриковской школе с самого ее основания. В раннем детстве я увлеченно лепил из пластилина, поэтому все думали, что я прирожденный скульптор. Но лет с шести стал выезжать с отцом и его учениками на практику. А там все рисовали. Я изменил своему хобби. Как и все дети, начал с акварели. Когда поступил в Суриковскую школу, а позже в институт, я не прекращал ею заниматься, хотя в основном нас учили писать маслом. Меня никто не принуждал, просто была потребность. Отец надо мной не довлел, не вмешивался.

Он проводил в отношении меня свою политику. «Посмотри, как красиво вокруг». А почему красиво и как эту красоту передать в рисунке, он не объяснял. Он хотел, чтобы

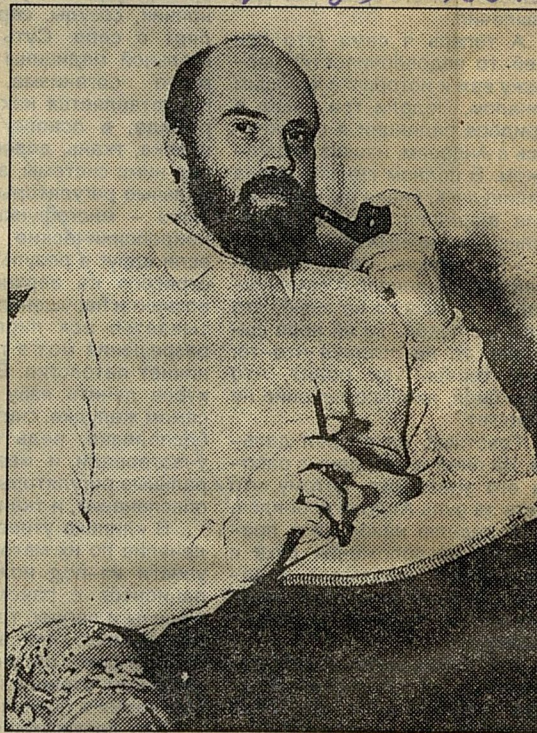

Фото Михаила ВОЛКОВА.

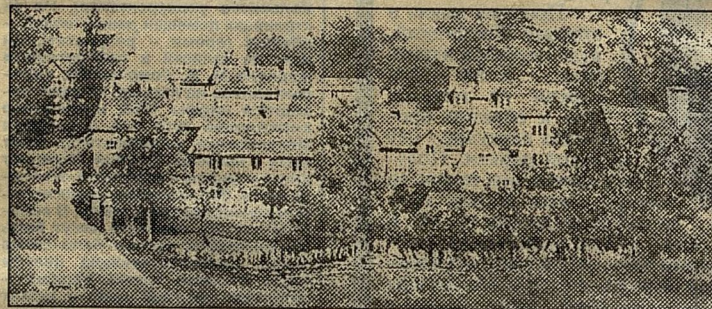
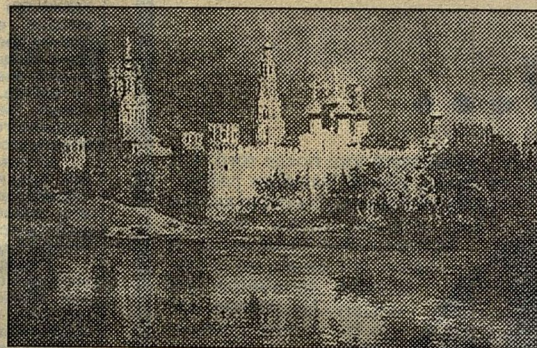
я сам все видел. Главное для художника — это его видение. У меня были ученики — американские чиновники. Однажды после нескольких занятий они признались, что стали замечать красоту в простых вещах, например, в шариковой ручке на столе, листе бумаги... Красота есть во всем.

— У вас много рисунков московских дворов, переулков старого города, где каждый был по тысяче раз, не замечая, как они прекрасны... Как вы находите такие красивые уголки?

— Я люблю рисовать первозданную природу и старую Москву. В старых двориках есть лицо нашего города. Черты эти сохранились в Замоскворечье, в переулках Тверской, в районе Андроникова монастыря, Рогожской площади. Очень люблю Новодевичий и Новоспасский монастыри. Красивых мест много. Правда, нынешний Кремль, по-моему, без маленьких домиков, которыми он был облеплен, похож на картонный макет. Раньше я жил на Октябрьской площади, когда она представляла совсем другое зрелище. Как строили новые дома и как сносили старые — на моей памяти. Помню, как взрывали Казанский собор, где

Очень люблю Красоту

Андрейка

был кинотеатр «Авангард». Он стоял вдоль правительственной трассы. После первого взрыва я успел сделать рисунки полуразрушенного храма. Вся Октябрьская, бывшая Калужская, площадь была застроена маленькими домишками и магазинчиками. Был очень красивый литературный музей на улице Димитрова. Рядом же в доме в стиле модерн начала века находился букинистический магазин. Возле французского посольства стоял роскошный особняк с лепниной, с балконами и каменными львами по бокам. Мимо них я ходил в школу в Лаврушинский переулок. Все эти дома уничтожены, взорваны, сожжены. И это происходило в недавнем прошлом...

Мне нравится бродить по улицам, находить еще уцелевшие уголки старой Москвы. Пишу их дома по памяти.

— Значит, к вашим работам нельзя относиться как к документальному свидетельству.

— Как-то спустя полгода после поездки в Швейцарию я писал панораму Берна, сидя в своей московской мастерской. Потом эта работа попала на выставку. Ко мне подошел один швейцарец и умолял продать картину за любые деньги. Оказывается, он нашел на

ней не только свои дома, но и окна собственной квартиры. Хотя я рисовал не фотографию, а сказку, которую увидел в зимнем Берне. И московские пейзажи я рисую как образ, который запомнился. Например, блеск куполов Новодевичьего монастыря при вечернем освещении. Такие вещи неэффективно писать с натуры. Цвет меняется в течение минут. Я уверен, что Шишкин не таскал свои огромные холсты на природу.

Обычно я делаю карандашный рисунок и стрелками, так называемыми «усами», отмечаю цвет. Таких рисунков у меня дикое количество. В любой момент я могу достать карандашный рисунок и написать картину. Летом — пишу зиму, осенью — весну. Богаче натуры ничего нет. Если художник не подпитывается натурой, он будет «есть» себя. Но художник должен уметь писать по памяти. Я развивал цветовую память. Вообще цвет — моя профессиональная повернутость. Когда я учился, я много делал зарисовок из окна такси или электрички. На ходу движущегося поезда, очень быстро, чтобы точно передать цветовые и тональные отношения. Я долго тренировал память на натуре, чтобы после работать по памяти. Это довольно старая техника. К сожалению, сейчас не учат

этому в школах. Художники не развивают память и воображение.

— Поэтому — то вы и решили создать свою школу классической акварели?

— Хотелось бы. У меня есть несколько программ и для будущих художников, и для взрослых, которым интересно заниматься акварелью. У меня собрана большая библиотека по акварели.

— А как ваши работы попали в кабинет московского мэра?

— Когда я был в Англии, я обратил внимание, что английские правительственные учреждения имеют человеческое лицо. Мне захотелось, чтобы и кабинет московского мэра был не таким казенным. Я предложил сделать огромную панораму старой Москвы XIX века. И, честно говоря, тут же испугался. Как эту идею воплотить акварелью, я не представлял. Но за два года все же сделал. Теперь за спиной у мэра висит видовая панорама Зарядья.

— Вы так много успели сделать, несмотря на свои 38...?

— Пожалуй, в Москве не осталось помещений, клубов, редакций, в которых бы я не делал свои выставки. Между прочим, и в вашей газете я был в Голубом зале. Выставки в провинции. Выставки-однодневки... Все собственными силами. Вдвоем с матерью. Сами возили картины, сами развешивали. Бывало, спустишь картины вниз, а таксист отказывается везти — загружать долго. Стоишь как дурак в подъезде со своими «шедеврами»... Вначале было очень плохо, и материально — тоже... Но ничего не делается зря. Сейчас у меня выставочный фонд более 700 работ. Работаю я почти круглосуточно, вдохновения не жду. Если ты мастер, профессионал — свою работу должен делать быстро. Если не умеешь работать, мучайся муками творчества. Рембрандт, кстати, оставил после себя около шести тысяч работ. Это было нормально.

— А как же пример Александра Иванова, который «являл» Христа народу больше 25 лет?

— Он поставил перед собой сверхзадачу: передать Евангелие в живописи. Эта философская задача исполнима лишь в иконе. В свое время я писал картину «Вечная память на поле Куликовом». Я мучился почти десять лет, пока аналитически не нашел решение композиции.

— Сергей, у вас есть какая-то глобальная мечта, например, попасть в Третьяковку?

— Я бы хотел, чтобы мои работы пережили меня. Обидно, когда художник отдает своему делу жизнь, а его труд идет впустую. А так, я человек не тщеславный. Меня не интересуют звания. Для творчества они ничего не дают.

Анастасия ПЛЕШАКОВА.